

РОЛЬ ФОНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА

Любовь Лизалова

Как известно, перевод является своеобразным процессом рецепции и порождения текста. Внутри любого текста как сложной многокомпонентной системы функционируют речевые подсистемы (лексические, грамматические и звуковые), посредством которых воспринимается смысл написанного или сказанного. В образовании текста названные подсистемы получают статус языковых компонентов. В качестве такого компонента может выступать любой языковой элемент — от синтаксического до звукового. Это дает возможность максимально учесть и выявить его текстообразующую функцию при восприятии текста как в комплексе, так и в отдельности. Сказанное необходимо иметь в виду, принимаясь за перевод. (КУПИНА, 1988).

Приступая к нему, мы начинаем первый этап анализа текста, который заключается в чтении или прослушивании материала и одновременно в определении смысла либо множества линейно расположенных языковых компонентов, либо отдельного языкового компонента. Так устанавливается поверхностный смысл текста, лежащий в основу образности и содержательной целостности. На данном этапе семантизации лексико-синтаксического материала не следовало бы без внимания оставлять и фонические средства, которые использовал автор письменного или устного текста, звучат ведь, как известно, обе формы текста и реально или мысленно "озвучиваются" реципиентом. (ЧЕРЕМИСИНА, 1989).

При восприятии иностранного текста и переводе его на родной язык (или наоборот) не всегда одинаково работают универсальные фонические средства, а именно: интонационные типы — мелодемы, место интонационного центра, синтагматическое членение, в письменной форме нередко сопровождаемое знаками препинания, и пауза. В их использовании каждый отдельно взятый язык выражает свою специфичность и раскрывает свои особенности. Нередко при переводе происходит накладывание "родных" фонических средств на иностранный лексико-синтаксический материал, что в конечном счете приводит к замене коммуникативной установки, предлагаемой исходным языком, и тем самым к выражению другой иллюкутивной функции или вообще к изменению смысла. Особенно часто это проявляется на материале диалогической речи.

Приведем несколько, на первый взгляд кажущихся банальными, примеров, взятых из русского и чешского языков, которые продемонстрируют, как в результате интерференции изменение интонационных средств влияет на смысл высказывания, и что возникает в итоге перевода. Необходимо подчеркнуть, что участниками проводимого анализа были не только преподаватели-русисты, но и переводчики, сопровождающие делегации, туристов и готовящие переводы текстов художественных телевизионных фильмов.

I. Примеры ситуативного характера

1. В обоих языках высказывания представлены одинаковым лексико-синтаксическим составом.

а) В транспорте, стоя у свободного места, или, встав и тем самым освободив место, мужчина-чех обратится к женщине со следующими словами:

- Chcete se posadit?

— — — — —

с интонационным центром и антикаденцией на POSADIT.

б) Мужчина-русский, если он джентльмен, произнесет тот же самый лексико-синтаксический материал следующим образом:

- Хотите сесть?

— — — — —

с интонационным центром на ХОТИТЕ и резким повышением мелодии на ударном слоге при резком же понижении на пост-центральной части.

В указанной ситуации и в том и в другом случае так называемый общий вопрос приобретает иллокутивную функцию вежливого предложения занять место, т. е. сесть, и равняется односоставным выражениям "Садитесь, пожалуйста!", "Posadte se, prosim!", произносимым в принципе с одним и тем же мелодическим типом в обоих языках, а именно: с конклюдивной каденцией на интонационном центре, находящемся на ударном слоге императива.

При письменном переводе с одного языка на другой первых вариантов не будет никакой разницы. Однако при устном, синхронном переводе, как показал эксперимент, чехи-русисты, не видя затруднений в лексико-синтаксической области, в большинстве своем оформляли русский вариант фоническими средствами чешского языка. В результате звучало выражение:

- Хотите сесть?

— — — — —

с интонационным центром на СЕСТЬ и нисходяще-восходящим типом, что в русском языке приобретает значение удивления и вызывает по крайней мере смущение или замешательство в реакции адресата. Произнесение же чешского

- Chcete se posadit?

— — — — —

с мелодемой, характерной для русского языка в отмеченной выше ситуации, на чешской почве создает т. наз. презумптивный вопрос, т. е. высказывание со значением внушения предполагаемого намерения. Такой коммуникативной установке в чешском языке обычно отвечает лексико-синтаксическая модель двусинтагменного типа:

Chcete se posadit, že (ano)?

Pojedete tam, že (ano)?

— — — — / — — —

В обоих случаях, как показали примеры, переводы породили высказывания, неадекватные конситуации.

2. Случаи полисемии одного и того же лексико-синтаксического состава в результате разной фокации в одном языке и в качестве эквивалента разных лексико-синтаксических материал с соответствующей фокацией в другом языке.

Русский язык:

- а) В два часа ночи поезд остановился. В купе вошел пограничник:
— *Ваши паспорта?*
Пассажиры засуетились.
- б) — *Ваши паспорта?* — обратился пограничник к водителю автобуса. — Забыли вот обозначить автобусы, а вас тут сегодня много.

Казалось бы, что с опорой на лексическое окружение правильно могла бы быть определена и иллокутивная функция высказываний с формой общего вопроса в приведенных диалогах, в первом случае, однако, имеющего функцию требования и произносимого с нисходяще-восходящей мелодией на интонационном центре в ударном слоге словоформы ПАСПОРТА, а во втором случае являющегося собственно вопросом, произносимым с восходяще-нисходящим типом мелодии на интонационном центре словоформы ВАШИ:

— Ваши паспорта? —

— — — — —

— Ваши паспорта?

— — — — —

Для перевода материал сначала был предложен респондентам в письменной форме, а затем озвучен. Большинство участников эксперимента предложили неадекватный коммуникативной ситуации перевод:

а) - *Máte pasy?*, т. е. вопрос со значением выявления наличия или отсутствия предмета. Такой вопрос в чешском языке оформляется нисходяще-восходящей мелодией на интонационном центре словоформы *PASY*, что отвечает русской мелодеме первого высказывания.

б) - *Vaše pasy*, с нисходящей интонацией на словоформе *VAŠE* с незначительным усилением на ударном слоге, что отвечает значению требования. Данный перевод доказывает, что фонологическая высота тона на ИЦ в русской мелодеме общего вопроса носителем чешского языка отождествляется с интенсивностью, всегда сопровождаемой незначительным повышением тона.

Правильным к русскому оригиналу должен был быть следующий перевод:

а) *Ve dvě hodiny v noci vlak zastavil. Do kupé vešel pohranič-ník:*

- *Vaše pasy, prosím.*
Cestující znervózněli.

б) - *Jsou to vaše pasy? oslovil pohraničník řidiče autobusu.*
- *Zapomněli jsme označit vaše autobusy a je vás tu dnes moc.*

Чешский язык:

а) Выражение:

"*Žes to neřekl?*"

— — — —

с конклюдивной каденцией на интонационном центре в речитативном *Žes* имеет значение внутренней убежденности в несодержанном и желания подтверждения этого. Русским эквивалентом при переводе не может быть односоставный вопрос "Ведь правда, что ты это не сказал?" с интонационным центром на ПРАВДА и восходяще-нисходящей мелодией, поскольку он требует ответа "Да, правда." или "Нет, неправда." Правильным переводом будет односоставная повествовательная конструкция с нисходящей мелодией на интонационном центре в словоформе СКАЗАЛ:

Надеюсь, ты не сказал это.   *Ведь ты не сказал это.*

- - - - - - - - - - -

Или односоставная вопросительная конструкция с восходяще-нисходящей мелодией на интонационном центре там же:

Надеюсь, ты не сказал это?   *Ведь ты не сказал это?*

- - - - - - - - - - -

6) Выражение

"žes to neřekl. "

с интонационным центром на NEŘEKL и интенсивностью в конклюдивной каденции приобретает значение упрека, раздраженности, переводится на русский язык в форме специального вопроса с интонационным центром на СКАЗАЛ и оформляется нисходящей мелодией с интенсивностью на ударном слоге:

— Чего ж (почему же) не сказал?

с добавлением

Надо было сказать.

- с антикаденцией на интонационном центре в инфинитиве.

Неправильным поэтому был перевод "Ведь ты это не сказал!" с интонационным центром и интенсивностью на СКАЗАЛ, поскольку такое высказывание обозначает стремление услышать подтверждение своей убежденности в несовершенном действии.

Ранки предлагаемого вниманию анализа не позволяют коснуться потенциальных значений данного лексико-синтаксического конструкта, выявленных в результате изменения интонационных средств. Этому будет отведено место в другой работе.

II. Примеры восприятия и перевода диалогов в художественном произведении

Интонационные средства могут не только влиять на семантику высказывания, но и выразить эмоциональное содержание. В этом отношении диалогическая речь предоставляет широкие возможности. В своем стремлении сохранить ритм, интонацию и эмоциональность живой речи автор пытается использовать максимальные средства, иногда прибегая к неожиданному лексико-синтаксическому обороту, эллипсису, речевому фразеологизму, которые в устной форме сопровождаются соответствующими их значению интонационными средствами. Механизмы такой сочетаемости внедряются в сознание носителя языка жизненной практикой. И тем не менее иногда встречаются такие случаи, когда мысль автора не сразу "доходит" до читателя, поскольку "прозвучала" для него не так, как этого хотел писатель. Такое недоразумение может произойти тогда, когда автор, полагаясь на поддержку контекста, использует такой явно разговорный лексико-синтаксический материал, окончательный смысл которому придает лишь правильное использование интонационных средств. Показательны в этом отно-

мени диалоги и внутренние монологи персонажей Й. Шкворецкого. Приведу один пример, анализ и попытка перевода которого на русский язык преподавателями-русистами носителями чешского языка продемонстрировала явное непонимание некоторых мест чешского оригинала.

1. Итак, Й.Шкворецкий: "Prima sezóna":

"To je krása!" pravila Irena.
 Pochtivě vzato byla. Jenže já se k ní nikdy nepřiznával.
 Mým ideálem bylo velkoměsto, aspoň Praha, ale spíš New York, a bary, hotely a tak. Samozřejmě, že jsem to byl já, bydlet jsem musel v Kostelci. Ale na to jsem byl od Pána Boha zvyklý.

- Красота! восхищалась Ирена.
 Честно говоря, да. Однако к этому я никогда не признавался. Моей мечтой был крупный город, хотя бы Прага, но лучше Нью-Йорк, с барами, отелями, представляете. Конечно, это и был я, проживать мне приходилось в Костельце. Но к этому я слава богу привык.

Я не буду заниматься анализом ошибок предложенного перевода. Моей целью было показать, как неправильное интонирование высказывания на родном языке - синтагматическое членение после samozřejmě и выбор конклюдивной каденции на нем, так же, как и на местоимении já вместо антикаденции, - взамен значения первой части высказывания ("причина и следствие" с ироническим оттенком) породило значение "утверждение существования субъекта" в той же части на русском языке, но уже с потерей эмоционального оттенка.

Так произошло потому, что первое, с чего началось восприятие значения анализируемого высказывания, была лексема samozřejmě, содержащая семему чего-то само собою разумеющегося, семему подтверждения чего-то, согласия с чем-то. Запятая, имеющая иную функцию, нежели вычленение синтагмы, также не послужила добрую службу переводчику.

Короче говоря, вместо

Конечно, это и был я, проживать мне приходилось в Костельце.

необходимо было перевести так:

Ну, а потому что это был я, жить мне суждено было в Костельце.

2. Отрывок из произведения Владимира Войновича "Мы здесь живем"

Председатель колхоза отказался дать Гомке отпуск для подготовки к экзамену, аргументируя это недостатком водителей грузовиков.

"... По дороге домой Гомка рассказал Анатолию о своем разговоре с председателем.

- Какой ты дурак, - разозлился Анатолий. - На тебе скоро воду будут возить. *Подумаешь, у него шоферов нет!* А тебе какое дело? Тебе государство отпуск дает. А оно больше знает, нужен ты или не нужен. Ты ж завалишь экзамены."

На чешский язык приведенный отрывок был переведен следующим образом:

Cestou domů Goška vyprávěl Anatolijovi o svém rozhovoru s předsedou. "Ty seš ale blbec", zlostně řekl Anatolij. "Na tobě budou co nevidět štipat dříví. Uvědom si, že on nemá řidiče! A co je tobě po tom? Stát té poušti. Stát ví líp, jestli tě potřebuje nebo ne. Už vidím, jak u zkoušek praskneš."

Как показывает выделенное курсивом высказывание, оригинал "прозвучал" для переводчика вне соответствия с контекстом. Это объясняется незнанием того, что выражения, начинающиеся в русском языке с "*Подумаешь, ...!*" могут интонационно оформляться двумя способами:

1. как двусинтагменное высказывание, в котором синтагматическое членение проходит после "*подумаешь*" при использовании восходящего типа мелодии с резким перерывом звучания гласного на интонационном центре указанной словоформы. Вторая синтагма произносится с нисходящей мелодией на интонационном центре при интенсивности звучания ударного гласного. Таким образом интонационно оформленное высказывание приобретает значение пренебрежения:

⁷
 Подумаешь, / у него шоферов нет! ² *
 /

- - - - -
 - - - - -
 -

2. как односинтагменное высказывание с нисходящей мелодией и интенсивностью на гласном интонационного центра в нашем случае в словоформе ШОФЕРОВ, что всему высказыванию придает значение "недостаточной убежденности в силе сказанного":

Подумаешь, у него шоферов нет.
 - - - - -
 -

Синонимом к нему будет: *Можно подумать, что у него шоферов нет.*

В первом случае эквивалентом русскому высказыванию в чешском языке должно быть выражение:

"Podívejme se, on prý nemá řidiče!"

А второе высказывание должно быть переведено на чешский фразой:

"Člověk by si mohl myslet, že on nemá řidiče."

Итак, приведенному выше русскому отрывку отвечает следующий чешский эквивалент:

Cestou domů vyprávěl Goška Anatolijovi o svém rozhovoru s předsedou.

"Ty jsi ale trouba," naštvál se Anatolij. "Za chvíli na sobě necháš štípat dříví. Podívejme se, on prý nemá řidiče! A co je tobě po tom? Tobě dává dovolenou stát. A ten ví líp, jestli tě je potřeba nebo ne. Už vidím, jak u zkoušek praskneš."

Целью наших замечаний было показать, как в практике перевода мало уделяется внимания роли фонических средств при формировании значения высказывания. А именно при переводе необходимо иметь в виду, что смысл любого высказывания создается взаимодействием значений, выражаемых лексическим составом, синтаксической конструкцией, смысловыми связями с контекстом и интонацией.

* В интонационной транскрипции согласно теории Е. А. Брызгуновой мелодема (или интонема) обозначается цифрой над гласным интонационного центра, т. е. ИК-1, ИК-2 и т. д. (интонационная конструкция - 7, ИК-7).

ЛИТЕРАТУРА:

- БРЫЗГУНОВА, Е. А.: Коммуникативный анализ русской звучащей речи. In: Soviet-American Contributions to the Study and Teaching of Russian. Theory, Strategies and Tools. Russian Language Journal, XXXVI, 1982, No 125, p. 105-112.
- БРЫЗГУНОВА, Е. А.: Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. Москва 1984.
- КУПИНА, Н. А.: Модель целостного лингвистического анализа художественного текста. In: Структура и семантика текста. Воронеж 1988, с. 5-12.
- ЛИЗАЛОВА, Л.: Интонационные средства выражения значения отдельного высказывания. In: SPFFBU, A 35, 1987, s. 55-59.
- GREPL, M., KARLÍK, P.: Skladba spisovné češtiny. Praha 1986.
- МУХАНОВ, И. Л.: Пособие по интонации. Москва 1989.
- ČENKOVÁ, I.: Teoretické aspekty simultánního tlumočení. Praha 1988.
- ЧЕРЕМИСИНА, Н. В.: Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. Москва 1989.
- ХАХА, Ст.: Аспекты сопоставительного анализа в области синтаксиса. In: Zeitschrift für Slawistik 35, 1990, с. 518-522.
- Mluvnice češtiny (I), Praha 1986.
- Русская грамматика I, II. Москва 1983.